

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

Сонеты. Лучшая любовная лирика

Явись мне, муза, вновь и возврати скорей
Потерянные дни для славы и искусства,
И вновь воспой красу поклонницы своей,
Вливающей в перо твое свой ум и чувства.

библиотека лучшей поэзии

Библиотека лучшей поэзии

Уильям Шекспир

Сонеты. Лучшая любовная лирика

«ФТМ»

«АСТ»

1592-1599

УДК 821.111-1
ББК 84(4Вел)-5

Шекспир У.

Сонеты. Лучшая любовная лирика / У. Шекспир — «ФТМ»,
«АСТ», 1592-1599 — (Библиотека лучшей поэзии)

ISBN 978-5-17-106083-1

Уильям Шекспир (1564–1616) – классик мировой литературы, выдающийся драматург и поэт, чье творчество дало новый виток развитию современного английского языка и культуры в целом, отразилось на литературном наследии и театральном искусстве всей Европы. Трагедии и комедии Шекспира, его сонеты, поэмы и хроники стали неотъемлемой частью эпохи Возрождения, символом нового времени и качественного скачка всей мировой литературы. В сборнике представлены 154 сонета в одних из первых переводов на русский язык – в поэтическом переводе Н. В. Гербеля и М. И. Чайковского. А также одни из самых известных поэм Шекспира – «Венера и Адонис», «Страстный пилигрим».

УДК 821.111-1

ББК 84(4Вел)-5

ISBN 978-5-17-106083-1

© Шекспир У., 1592-1599

© ФТМ, 1592-1599

© АСТ, 1592-1599

Содержание

Сонеты	6
1. «Потомства от существ прекрасных все хотят...»	7
2. «Когда, друг, над тобой зим сорок пролетят...»	8
3. «Подумай, в зеркале увидев образ свой...»	9
4. «Скажи мне, красота, зачем ты расточаешь...»	10
5. «То Время, что в труде приятном взор создало...»	11
6. «Не дай зиме убить весны все совершенства...»	12
7. «Когда светило дня вздымает на востоке...»	13
8. «Ты музыка, чего ж с печалью ей внимаешь?...»	14
9. «Ужель затем, чтоб взор вдовы не омрачился...»	15
10. «Признайся мне, что ты не любишь никого...»	16
11. «Как быстро будешь ты, стареясь, увядать...»	17
12. «Звучит ли бой часов и время гонит...»	18
13. «О если б мог ты быть всегда самим собой!...»	19
14. «Я не у звезд сужденья похищаю...»	20
15. «Когда я вижу, что все дышащее вокруг...»	21
16. «Зачем не сбросишь ты губительное бремя...»	22
17. «Увы, мои стихи все презрят, позабудут...»	23
18. «Как я сравню тебя с роскошным летним днем...»	24
19. «Закрой свой львиный зев, прожорливое Время...»	25
20. «Тебе девичий лик природой дан благою...»	26
21. «Я не похож на тех, чья Муза, возбуждаясь...»	27
22. «Мне зеркало не скажет, что я стар...»	28
23. «Как на подмостках юный лицедей...»	29
24. «Мой взор, как живописец, закрепил...»	30
25. «Пусть баловня изменчивой толпы...»	31
26. «Мой властелин, твоё очарованье...»	32
27. «Усталый от трудов, спешу я на постель...»	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Уильям Шекспир

Сонеты. Лучшая любовная лирика

© Кружков Г. М., перевод с англ.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Сонеты

Примерно 1592–1599 гг.

Перевод с англ. Н. В. Гербеля

Кроме сонетов 12–14, 22–25, 63, 66, 71, 78, 93, 95, 99, 104, 107 – перевод М. И. Чайковского

1. «Потомства от существ прекрасных все хотят...»

Потомства от существ прекрасных все хотят,
Чтоб в мире красота цвела – не умирала:
Пусть зрелая краса от времени увяла –
Ее ростки о ней нам память сохранят.

Но ты, чей гордый взор никто не привлекает,
А светлый пламень сам свой пыл в себе питает,
Там голод сея, где избыток должен быть –
Ты сам свой злейший враг, готовый все сгубить.

Ты, лучший из людей, природы украшение,
И вестник молодой пленительной весны,
Замкнувшись, сам в себе хоронишь счастья сны.
И сеешь вокруг себя одно опустошение.

Ты пожалей хоть мир – упасть ему не дай
И, как земля, даров его не пожирай.

2. «Когда, друг, над тобой зим сорок пролетят...»

Когда, друг, над тобой зим сорок пролетят,
Изрыв твою красу, как ниву плуг нещадный,
И юности твоей убор, такой нарядный,
В одежду ветхую бедняги превратят, –

Тогда на тот вопрос, с которым обратятся:
«Скажи, где красота, где молодость твоя?» –
Ужель ответишь ты, вину свою тая,
Что в мраке впалых глаз твоих они таятся?

А как бы ты расцвел, когда б им не шутя
Ответить вправе был спокойно и с сознанием:
«Вот это мной на свет рожденное дитя
Сведет мой счет и мне послужит оправданьем».

Узнал бы ты тогда на старости любовь,
Способную согреть остывшую кровь.

3. «Подумай, в зеркале увидев образ свой...»

Подумай, в зеркале увидев образ свой,
Что должен он в другом созданье возродиться;
А если нет, то мир обманут был тобой
И счастья мать одна через тебя лишится.

Кто б пренебречь дерзнул любовью твоей
Из дев, как ни была б собой она прекрасна,
И грудь могла ль ее так сделаться бесстрашна,
Чтоб захотеть сойти в могилу без детей?

Ты матери своей хранишь изображение –
И видит вновь она в тебе свою весну.
Ах, так и ты, склоня взор к старости окну,
Увидишь и вкусишь вновь юности волненье!

Но если хочешь быть забытым, милый мой,
Умри холостяком, а с ним и образ твой.

4. «Скажи мне, красота, зачем ты расточаешь...»

Скажи мне, красота, зачем ты расточаешь
Безумно на себя все, что ни получаешь?
Природа не дарит, а лишь займы дает,
И то лишь тем, кто долг свой честно отдает.

Зачем же ты, скупец, во зло употребляешь
Врученное тебе и праздно расточаешь?
Такие суммы, друг, не следует сорить,
Когда и без того едва ты можешь жить!

Имея дело лишь с одним самим собою,
Себя же выгод всех лишаешь ты в борьбе.
Когда ж твой бранный прах покроется землею,
То что благого ты оставишь по себе?

Бесплодной красота твоя сойдет в могилу,
Тогда как по себе ты б мог оставить силу.

5. «То Время, что в труде приятном взор создало...»

То Время, что в труде приятном взор создало,
Который всех теперь влечет и веселит,
Тираном станет вновь, как то не раз бывало,
И прежней красоты навек его лишит.

Затем что время, вслед за уходящим летом,
Приводит из-за гор суровую зиму –
И мерзнет сок в лесу пустынном и раздетом,
А взор лишь видит снег, безжизненность и тьму.

Тогда, мой друг, когда благие соки лета
Не заключил бы рок в стеклянную тюрьму,
Вся красота его погибла б без привета
И превратилась в прах, чтоб погрузиться в тьму.

Но нежный цвет, в экстракт на зиму превращенный,
Теряет внешность лишь, не запах благовонный.

6. «Не дай зиме убить весны все совершенства...»

Не дай зиме убить весны все совершенства
В себе, пока она плода не принесла!
Создай себе фиал и подари блаженство
Своею красотой, пока не умерла!

Тебя ростовщиком не назовут за это,
Затем что этот долг все платят без труда.
Ты образ свой создашь для счастья и привета,
А если десять с ним – и это не беда.

И каждый в десять раз тебя счастливей будет,
Произведя на свет по десять раз тебя –
И смерть вражду к тебе надолго позабудет,
Увидя, сколько раз ты повторил себя.

Ты слишком уж красив и мил душе моей,
Чтоб пищей смерти быть, наследьем стать червей.

7. «Когда светило дня вздымает на востоке...»

Когда светило дня вздымает на востоке
Свой лучезарный лик – восторг у всех в глазах
И каждый на своем приветствует пороге
Приход его, пред ним склоняясь во прах.

Вступив на высоту небесного восхода,
Как юноша, за грань успевший перейти,
Оно еще влечет к себе глаза народа,
Следящего его в благом его пути.

Когда ж оно во прах склоняется к закату,
Как мир под гнетом лет и бременем труда,
Холодные к его померкнувшему злату,
Лукавые глаза глядят уж не туда.

Так, полдень пережив, и ты, друг, как руина,
Склонишься в прах, когда иметь не будешь сына.

8. «Ты музыка, чего ж с печалью ей внимаешь?..»

Ты музыка, чего ж с печалью ей внимаешь?
Прекрасному нельзя с прекрасным враждовать;
Зачем же любишь то, что с грустию встречаешь,
И с радостью спешишь все злое воспринять?

Когда гармония согласных звуков хора
В их сочетанье слух твой может оскорбить,
То это потому, что в нем есть тон укора:
Зачем ты все одним предпочитаешь быть.

Заметь, что две струны, касаясь друг друга,
Как мирная семья, в согласии живут,
Где мать, отец и сын, не выходя из круга,
Один прекрасный звук согласно издают.

И песня их без слов твердит тебе и всем:
«Оставшись холостым, останешься ничем!».

9. «Ужель затем, чтоб взор вдовы не омрачился...»

Ужель затем, чтоб взор вдовы не омрачился,
Ты одиноко век провести желаешь свой –
Желаешь, чтоб твой прах такою же слезой,
Как хладный прах жены бесплодной, оросился?

И, сделавшись вдовой бездетною твоей,
Мир будет о твоём бесплодии терзаться;
Тогда как для вдовы способны представляться
За мужнины глаза – глаза ее детей.

Все то, что тратит мот, лишь место изменяет –
И мир все траты те берет себе в удел!
Но трата красоты имеет свой предел:
Не трогая, он тем ее уничтожает.

Нет к ближнему любви в груди холодной той,
Что поступает так безжалостно с собой!

10. «Признайся мне, что ты не любишь никого...»

Признайся мне, что ты не любишь никого,
Когда и о себе заботишься так мало!
Не мало дев вилося близ сердца твоего,
Но сердце для любви твое не расцветало –

Затем что злобы ты исполнен до того,
Что сам готов вступить с самим собой в сражение,
Об удаленье в тень стараясь всего,
Чего б ты должен был искать восстановления.

Опомнись, чтоб и я мог мысли изменить!
Ужель жилище зла прекраснее любви?
Ты так красив – сумей настолько ж добрым быть
И не давай в себе бурлить напрасно крови!

Подобие свое создай хоть для меня,
Чтоб красота жила в тебе иль близ тебя.

11. «Как быстро будешь ты, стареясь, увядать...»

Как быстро будешь ты, стареясь, увядать,
Так быстро и в своем потомстве возродишься,
И кровь – с растратой чьей святыни примиришься –
Еще живя, своей успеешь ты назвать.

При этом – красота, спокойствие, потомство,
Без этого – болезнь, безумье, вероломство.
Когда бы все как ты решились поступать,
Чрез семьдесят лет мир пришлось бы отпевать.

Пусть те, кому злой дух назначил быть скупцами,
Умрут, не дав плода до времени-поры;
Но ты, благих небес осыпанный дарами,
Беречь бы должен был те чудные дары.

Природа образ твой в печать преобразила,
Чтоб оттиски ее потомство сохранило.

12. «Звучит ли бой часов и время гонит...»

Звучит ли бой часов и время гонит,
Иль вянет лепесток за лепестком,
Гляжу ль, как бодрый день во мраке тонет,
Как черный локон смешан с серебром, –

Когда я вижу рощу оголенной, –
Бывало, в зной, убежище для стад –
Как зелень лета старец убеленный,
Скосив стогами, полагает в ряд,

Тогда меня всегда вопрос терзает:
Неужли чудный облик твой умрет,
Раз красота здесь так же скоро тает,
Как перед нею новая растет?

Косы времен не одолеешь ты,
Не передав потомству красоты.

13. «О если б мог ты быть всегда самим собой!...»

О если б мог ты быть всегда самим собой!
Но ты принадлежишь себе, покамест дышишь,
И, смерти чуть шаги зловещие услышишь,
Другому передать обязан образ свой.

Тогда лишь красота, которой обладаешь,
С тобою не умрет – и, превратившись в прах,
В потомстве снова ты звездой заблестеешь,
Когда твой образ вновь воскреснет в их чертах.

Кто пасть такому даст прекрасному жилищу,
Когда его еще возможно поддержать,
Чтоб силе вьюг оно могло противостоять
И холоду времен, присущему кладбищу?

Тот, кто небрежлив! Ведь ты, друг милый мой,
Имел отца – так пусть и сын то ж скажет твой!

14. «Я не у звезд сужденья похищаю...»

Я не у звезд сужденья похищаю,
Но мнится мне, я все же звездочет,
Хотя пророчески не возвещаю
Ни счастья, ни бедствия приход.

Я не умею даже предсказать
Дождя, грозы, чумы, засухи или
Того, как принцы будут поживать... –
О чем бы небеса ни говорили.

Но мне глаза твои, как звезды, знание
Внушают, что во все века пройдут
Краса и правда в дивном сочетанье,
Когда в твоём потомстве оживут.

Иначе так предсказываю я:
С тобой умрет и красота твоя.

15. «Когда я вижу, что все дышащее вокруг...»

Когда я вижу, что все дышащее вокруг
Бывает лишь на миг прекрасно, милый друг,
Что только зрелищ ряд дает нам сцена мира,
Понятный лишь для звезд полночного эфира;

Когда я вижу, что под грозной твердью той,
Как злаки, люди вокруг рождаются и плодятся,
Сначала к небесам, потом к земле стремятся
И исчезают вслед из памяти людской:

Тогда, в виду всех зол и суетности бренной,
Краса твоя сильнее мне взоры поразит
И Времени – скупцу, грабителю вселенной –
Не дать бы лишь твой день в мрак ночи превратить –

Я объявлю войну, подвигнутый тобою,
И отнятое вновь отдам тебе с лихвою.

16. «Зачем не сбросишь ты губительное бремя...»

Зачем не сбросишь ты губительное бремя,
Которым так гнетет тебя седое Время?
Зачем не вышлешь, друг, в отпор на грозный зов,
Ты нечто посильней, чем пук моих стихов?

Теперь уж ты достиг поры своей счастливой,
И много пышных клумб средь девственных садов
Украсить мог бы ты кошницею цветов,
Похожих на тебя, как твой портрет красивый.

Да, жизнь должна сама себя изображать,
Так как перо и кисть не могут приказать
Жить вечно на стене пред публикою грешной
Твой образ с стороны ни внутренней, ни внешней.

Ты сохранишь себя, отдавшись любя, –
И долго будешь жить, изобразив себя.

17. «Увы, мои стихи все презрят, позабудут...»

Увы, мои стихи все презрят, позабудут,
Когда они полны твоих достоинств будут,
Хотя – то знает Бог – они лишь гроб пока,
Где скрыта жизнь твоя, хвалимая слегка!

Когда б я красоту твою воспеть был в силах
И перечислить все достоинства твои,
Потомок бы сказал: «Он лжет – поэт любви!
Таких нет между тех, чья участь – гнить в могиле!».

И перестанет мир листкам моим внимать,
Как бредням стариков болтливых, неправдивых.
И те хвалы, что лишь тебе принадлежат,
Сочтутся за мечты, за звуки стоп игривых.

Но если бы детей имел ты не во сне,
То ты в моих стихах и в них бы жил вдвойне.

18. «Как я сравню тебя с роскошным летним днем...»

Как я сравню тебя с роскошным летним днем,
Когда ты во сто раз прекрасней, друг прекрасный?
То нежные листки срывает вихрь ненастный,
И лето за весной спешит своим путем;

То солнце средь небес сияет слишком жарко,
То облако ему туманит ясный зрак –
И все, что вокруг манит, становится неярко
Иль по закону злой природы, или так –

Случайно; но твое все ж не увянет лето
И не утратит то, чему нельзя не быть,
А смерть не скажет, что все в тень в тебе одето,
Когда в стихах моих ты вечно будешь жить.

И так, пока дышать и видеть люди будут,
Они, твердя мой гимн, тебя не позабудут.

19. «Закрой свой львиный зев, прожорливое Время...»

Закрой свой львиный зев, прожорливое Время, –
И пусть сама земля пожрет своих детей!
Лиши тигрицу гор стальных ее когтей
И Феникса сожги в крови его, как бремя!

В течении своем твори и разрушай
И делай, что на ум ни вспало бы порою,
И с миром, и с его увядшей красотой,
Но только одного проступка не свершай:

Не проводи на лбу, из всех на самом лучшем –
Лбу друга моего – злых черт своим пером;
Нетронутым оставь в пути его своем,
Чтоб образцом красы он мог служить в грядущем.

Но если б ты его и превратило в прах,
Он будет юным жить всегда в моих стихах.

20. «Тебе девичий лик природой дан благою...»

Тебе девичий лик природой дан благою –
Тебе, что с ранних пор владыкой стал моим,
И нежный женский пыл, но незнакомый с тою
Податливостью злой, что так присуща им,

И боле страстный взор и менее лукавый,
Златящий все, на что бывает устремлен;
Но цвет лица – мужской, со всей своею славой,
Опасный для мужей и милый для их жен.

Ты б должен был, мой друг, быть женщиной наружно,
Но злой природы власть, увы, тебе дала,
Мой ненаглядный, то, что вовсе мне не нужно,
И тем меж нами нить любви перервала.

Но если создан ты для женского участия,
То мне отдай любовь, а им – тревоги счастья.

21. «Я не похож на тех, чья Муза, возбуждаясь...»

Я не похож на тех, чья Муза, возбуждаясь
К святому творчеству живою красотой
И в гордости своей самих небес касаясь,
Красавицу свою равняет то с луной,

То с солнцем золотым, то с чудными дарами,
Лежащими в земле, в глубоких безднах вод,
И, наконец, со всем, что вокруг нас и над нами
В пространстве голубом сияет и живет.

О, дайте мне в любви быть искренним – и верьте,
Что милая моя прекрасней всех других,
Рожденных женщиной; но как ее ни мерьте,
Все ж будет потемней лампад тех золотых,

Что блещут в небесах! Пускай другой добавит!
Ведь я не продаю – чего ж ее мне славить?

22. «Мне зеркало не скажет, что я стар...»

Мне зеркало не скажет, что я стар,
Пока и ты, и юность тех же лет.
Но чуть в тебе погаснет вешний жар,
Я буду ждать, чтоб смерть затмила свет.

Ведь блеск твоей небесной красоты –
Лишь одеянье сердца моего.
Оно в твоей, твое ж в моей груди,
Так как ему быть старше твоего?

Поэтому будь осторожен, милый,
И в сердце сердце буду холить я
Твое, ему все отдавая силы,
Как холит няня слабое дитя.

Не взять тебе его назад, оно
Не с тем, чтобы отнять, мне отдано.

23. «Как на подмостках юный лицедей...»

Как на подмостках юный лицедей
Внезапным страхом выбитый из роли, –
Иль как не в меру пылкий нрав людей
В избытке мощи непокорен воле, –

Так в миг признанья забываю я
Все правила любовного искусства,
Подавленный, теряю все слова
Под бременем восторженного чувства.

Прими ж мои творенья как немного
Предстателя клокочущей груди,
Который молит, ждет наград без слова
И глубже уст умеет потрясти.

Любви безмолвной речь учись читать,
Умей, глазами слыша, – понимать.

24. «Мой взор, как живописец, закрепил...»

Мой взор, как живописец, закрепил
Твои черты в сокровищнице чувства:
Внутри меня, как в раму заключил
И отделил по правилам искусства.

И только там сумеешь ты найти
Правдивое твоё изображение:
Оно висит в стенах моей груди,
Твои глаза там вместо освещения.

И вот глаза глазам здесь услужили:
Мои – твой лик писали, а твои
Лучами света окна заменили,
И солнце шлет им радостно свои.

Но одного глаза не могут дать:
Рисуя лик, им сердца не видать.

25. «Пусть баловня изменчивой толпы...»

Пусть баловня изменчивой толпы
Пленяют блеск и внешние награды, –
А я, лишенный этих благ судьбы,
Таю в тиши сердечную отраду.

Любимцы королей свой пышный цвет –
Как лютик солнцу – к трону обращают,
Но гордости у них и следа нет:
Суровый взгляд их счастье убивает.

Герой войны, прославленный в боях,
Хоть раз вслед тысячи побед сраженный,
С вершины славы падает во прах,
Тем, за кого сражался, посрамленный.

А я, любя, тем счастлив, что любим,
Незаменимому – незаменим.

26. «Мой властелин, твоё очарование...»

Мой властелин, твоё очарование
Меня к тебе навеки приковало.
Прими ж моё горячее послание.
В нём чти не ум, а преданность вассала.

Она безмерна, ум же мой убог:
Мне страшно, что не хватит слов излиться...
О, если бы в твоих глазах я мог,
Любовию согретый, обновиться!

О, если бы любовная звезда
Могла мне дать другое освещение
И окрылила робкие уста,
Чтоб заслужить твоё благоволение!

Тогда бы смел я петь любовь мою –
Теперь же, в страхе, я её таю.

27. «Усталый от трудов, спешу я на постель...»

Усталый от трудов, спешу я на постель,
Чтоб членам отдых дать, дорогой утомленным;
Но быстро голова, дремавшая досель,
Сменяет тела труд мышленьем напряженным.

И мысли из тех мест, где ныне нахожусь,
Паломничество, друг, к тебе предпринимают,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.